

«Уроки Октября» – так назвал свою знаменитую статью, написанную к 10-летию октябрьского переворота, Л. Троцкий. Она вызвала ожесточённую полемику в партийных кругах. Троцкий отстаивал иезуитские формы борьбы, потому что якобы без них невозможно было бы прийти к власти в 1917 году. Он писал: «Совершив переворот, мы как бы решили, что повторять его нам всё равно не придётся. От изучения Октября, условий его непосредственной подготовки, его совершения, первых недель его закрепления мы как бы не ждали прямой и непосредственной пользы для неотложных задач дальнейшего строительства».

Однако, такая оценка, хотя бы и полусознательная, представляется глубоко ошибочной, да к тому же ещё и национально-ограниченной. Если нам не предстоит более повторять опыт Октябрьской Революции, то это вовсе не значит, что нам нечему учиться на этом опыте. Мы – часть Интернационала, а пролетариат всех других стран только ещё стоит перед разрешением своей «октябрьской» задачи. И мы имели за последний год достаточно убедительные доказательства того, что наш октябрьский опыт не только не вошел в плоть и кровь хотя бы только наиболее зрелых коммунистических партий Запада, но и прямо-таки неизвестен им с фактической стороны». Вот об этой «фактической», а точнее идеологической стороне мы и поговорим.

Так называемое революционное движение состояло в некоем духовном вероучении, которое замещало собой традиционные верования. Вот что пишет русский философ и писатель Н.А. Бердяев: «Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны – явление русское и национальное. Особенно важно для западных людей понять национальные корни русского коммунизма, его детерминированность русской историей. Знание марксизма этому не поможет» (Н. Бердяев «Истоки и смысл русского коммунизма» стр. 7). Бердяев убеждён, что рево-

люция в России развивается как бы из духа русского народа. Дальше он излагает следующие мысли: «Ленин был марксист и верил в исключительную миссию пролетариата. Он верил, что мир вступил в эпоху пролетарских революций. Но он был русский, и делал революцию в России, стране совсем особой» (стр. 102). Для своего времени исследование Н. Бердяева было поразительным, он, может быть, впервые показал, что коммунизм, особенно в его ленинском виде, является специфическим религиозным вероучением, настолько овладевшим его сторонниками, что они сознательно шли за него на смерть. Н. Бердяев считал, что истоки и смысл русского коммунизма скрыты в подсознании русского народа. Но мы постараемся показать, что это не так.

Хотя время уже ушло, но юбилей так называемой Октябрьской революции позволяет мне рассмотреть статью **Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма»** с современных позиций. Рассуждения Н. Бердяева о будто бы русском национальном смысле русского коммунизма, о том, что марксизм как бы прижился в России, породив Ленина, мне всегда казались весьма любопытными, особенно с учётом его статьи «Философская истина и интеллигентская правда», впервые опубликованной в 1909 году в сборнике «Вехи». Н. Бердяев считал, что русская интеллигенция должна каяться перед царской властью, чтобы та её защитила от гнева народа.

И вот теперь рассмотрим некоторые исторические параллели.

Часто сравнивают большевистскую революцию 1917 года с французской революцией 1789 года, особенно подчёркивая тот факт, что новый слой «вождей» (Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст и др.) вёл себя по отношению к старым как палачи, намекая, что большевики объявили террор по отношению к дворянам и представителям царской власти – военным, жандармам, полицейским и т.д., – а Сталин – по отношению к «ленинской гвардии».

Французская революция отличалась от российской революции 1917 года. Однако как французская, так и российская революции были подготовлены масонами. Как сообщают источники, во Франции в 1770-х годах существовало около шестисот масонских лож, которые находились в подполье. Во время революционного взрыва все они вышли, как говорится, в «явочное состояние». Сразу же были образованы клубы жирондистов и якобинцев (они же якобисты, – общеизвестные деятели масонских шотландских лож святого Якова). Когда Наполеон пришёл к власти, он решил вопрос о масонстве по военному просто, назначив верховным гроссмей-

стером масонских лож своего брата принца Жозефа Бонапарта. Таким образом, масонство было как бы легализовано и получило официальный статус. В России всё пошло по-другому. Поскольку масонство с момента организации является тайной подпольной организацией, оно не спешит высвечиваться, и русская революция организовывалась масонами исподволь, потихоньку, как я об этом уже писал¹, подпольно обсуждались масонские истоки февральской революции. Корни же ленинской революции лежат значительно глубже. Разумно предположить, что Ленин, получавший соответствующие субсидии, и был агентом германского генштаба, в котором в это время весьма сильны были масонские влияния. Об этом, хотя и намёками, пишет С.П. Мельгунов. Перед нами встаёт вопрос – Керенский – агент северо-американских, а Ленин – немецких масонов – кто из них победит? Победил, конечно Ленин.

* * *

Истоки и смысл русского коммунизма, о которых говорил Н. Бердяев, находятся вовсе не в природе русского народа, хотя они отчасти и переработаны психологией этого народа. Эти истоки даже глубже еврейского учения марксизма-ленинизма, а подлинный их исток в деятельности религиозных реформаторов начала XVII века во главе с Мартином Лютером. Нельзя забывать, что в момент перехода Карла Маркса из иудейской веры он принял крещение как член лютеранской церкви. («Лютерская ересь» – так называл её Иван Грозный).

Реформация породила множество ересей, так называемых религиозных сект, каждая из которых считала себя правоверной, но мы выделим только одну – анабаптистов. Они существовали не только на западе, но и в России, где их называли «перекрещенцами». Суть этого вероучения сводилась к тому, что окропление младенца якобы святой водой или его погружение в купель не могло быть для него путём к истине, а человек, идущий к богу, должен принять второе крещение уже в сознательном возрасте. Деятельность анабаптистов и так называемой Мюнстерской коммуны обсудим позже. Пока отметим одну очень интересную историческую параллель. В отличие от К. Маркса В.И. Ленин не считал, что пролетарское сознание является врождённым и свойственно рабочему уже с момента его появления на свет. Наоборот оно должно быть внесено в пролетарские массы в сознательном

¹ См. журнал «На русских просторах» № 2 (29) за 2017 год.

возрасте путём революционной пропаганды. Так называемое «перекрещенчество» здесь налицо. И это не просто аналогия.

Обратим внимание, что один из основоположников так называемого научного коммунизма Ф. Энгельс в своей статье «Крестьянская война в Германии» указывал на совершенно очевидные аналогии революционного анархизма с тогдашним движением анабаптистов, которое Ф. Энгельс очень одобрял.

О деятельности анабаптистов писали ещё наши дореволюционные историки. Самое главное, что было выявлено в этом движении – это внешний аскетизм, с помощью которого верующие приобщались к своего рода «святости». Об обычаях Мюнстерской коммуны известно следующее: «Вино у них воспрещалось. Было предписано самое простое одеяние: дьяконы ходили по домам и отбирали всё, кроме самого необходимого платья. Монета употреблялась только для иностранцев: в городе дозволялась лишь меновая торговля. Были запрещены всякие книги, кроме Библии, уничтожены музыкальные инструменты, а также всякие предметы забавы. (...) В знак всеобщего братства повелено было, чтобы двери домов оставались открытыми день и ночь» (А.С. Трачевский «Крестьянская война в Германии и Мюнстерская коммуна» СПб. 1906 г., с. 32).

Однако показной внешний аскетизм у анабаптистов сочетался с такими явлениями, как многожёнство и распутство. И то, и другое оправдывалось текстами Св. Писания, особенно Ветхого Завета. Так сложилось учение о новом социальном строе, «знаменитое уложение о новой коммуне или народной общине, под именем *Црство Изр иля в новом Сионе*.

По этому уложению, Правление вручалось двенадцати старшинам “двенадцати колен Израиля”» (там же, стр. 33).

Здесь мы обращаемся к опыту так называемой Мюнстерской коммуны, о которой поговорим в дальнейшем, а пока нужна небольшая историческая справка.

После реформации М. Лютера 1517 года лютеранство, приобретая всевозможные сектантские оттенки, быстро распространилось по Европе. Об учениях М. Лютера, Ж. Кальвина я уже писал, а сейчас важно подчеркнуть общность вероучений крайних сект протестантства с большевизмом, равно как и с современным исламским терроризмом.

Именно первый опыт не просто религиозного или идейного движения, а социальной, даже можно сказать партийной самоорганизации даёт нам Мюнстерская коммуна. Для того, чтобы глуб-

же понять организацию этого сообщества, следует иметь в виду, что среди анабаптистов (читай «коммунистов») той эпохи была очень влиятельна мысль о том, что «царство Божие должны строить сами люди, тем самым помогая Богу». Если убрать слово Бог, то это ключевой символ коммунизма.

Под влиянием реформаторского учения Мартина Лютера, отменившего многие католические заповеди, особенно касающиеся индульгенции, в разных областях Германии образовалось множество сект с самыми разнообразными формами, причём некоторые из них приняли государственное обличье. Таковой была так называемая Мюнстерская коммуна, образовавшаяся в 1533 году в одном из крупнейших городов тогдашней Германии. Она основывалась именно на вероучении анабаптистов со связанными с ними понятиями о многожёнстве, общности имущества и учением об избранных. Программа анабаптистов была изложена в «Символе веры» («Апология», эдикте и «Правилах внутреннего распорядка в Мюнстере»). Теология – 144000 избранных должны собраться в Мюнстере, чтобы разойтись из него, покорить весь мир. В царстве божьем нет места социальному неравенству, всё имущество должно быть общим, эксплуатация человека человеком исключалась, всё имущество находилось в ведении диаконов, покупка, продажа, взимание рент, работа по найму за деньги и т.п. вещи упразднены. Иоанн Клорис на допросе показал, что анабаптисты добиваются введения полной общности имущества, в том числе и на землю, тем не менее, у них все трудятся, но без оплаты. Но практическое осуществление этих постулатов растянулось на несколько этапов и сопровождалось рядом отступлений от изложенных принципов. После установления власти анабаптистов общность имущества стала вводиться постепенно, сначала конфисковали имущество беглецов, церковей, монастырей. Затем было проведено у всех жителей города изъятие денег и драгоценностей. Мера эта встретила сопротивление. Жители утаивали, проповедники читали проповеди о нестяжательстве. Жителям был дан двухмесячный срок для выполнения этого решения, после этого смертная казнь следовала, если добровольно не расстанутся с добром. Драгоценности и деньги были нужны для связей с внешним миром, так как в городе была введена специальная, не имевшая ценности и чисто символическая монета.

Сами лидеры Мюнстерской коммуны так же, как и деятели большевизма, отличались крайней жестокостью. Особенно это относится к деяниям Иоанна Лейденского, который был объявлен

царём этой коммуны: «Сам царь поддерживал дух Израиля пылкими пророчествами о чудесном избавлении избранных Богом» (с. 36). «Так усердно трудился Израиль. А рядом шли пирушки, которые перемешивались со всенародными молитвами и проповедями под открытым небом в жестокую стужу» (стр. 37). «По разным углам города слышались стоны “святых”, которые от голода выползали из своих тайников. По словам очевидца, город походил на чумное кладбище: не хватало рук погребать трупы» (стр. 41). Это отчасти похоже на блокаду Петрограда в 1918–19 гг., как это описано в дневниках З. Гиппиус.

Мюнстерская коммуна – прототип организации дальнейших коммунистических обществ, которые, так или иначе преобразуясь, существуют и до сих пор, в том числе под видом так называемых «демократических сообществ». Об этом иронически, и вместе с тем с глубоким пониманием вопроса написал Дж. Оруэлл в книгах «1984» и «Скотный двор».

Примерно также рассматривает эту проблему академик И.Р. Шафаревич в своих основных сочинениях, посвящённых социально-политическим вопросам, и особенно в книге «Социализм как явление мировой истории». С удовлетворением отмечу, что издаётся его полное собрание сочинений и разбросанные по разным изданиям его труды, наконец, предстанут перед читателем в виде единого целого.

Опора на древнееврейские понятия, поиски нового Израиля – вот что стало истоком нового демократического движения, а также русофобии как принципиального мировоззрения современного либерального сообщества. Между социализмом в его марксистско-ленинском исполнении и современной интернациональной либеральной демократией большой разницы нет. Известен так называемый «шведский социализм», который, не исключая частную собственность на средств производства, как бы разрешает так называемую «шведскую семью», то есть полигамные браки.

Все эти явления появились ещё в период Мюнстерской коммуны и движения анабаптистов. Вот что пишет об этом И. Шафаревич, цитируя книгу историка Буллингера: «Свободные братья, которых многие анабаптисты называли грубыми братьями, были в начале движения немало распространены. Они понимали Христову свободу плоти. Ибо хотели быть свободны от всех законов, считая, что их освободил Христос. Поэтому они полагали себя свободными от десятины, от обязанностей барщины или от крепостной зависимости. Некоторые из них, отчаянные распутники

уговаривали легкомысленных женщин, что они не могут стать духовными, не расторгнув брак. Другие считали, что раз все вещи должны быть общими, то и жёны тоже» (И. Шафаревич, Полное Собр. соч., М., 2014, т. 1, с. 226). И. Шафаревич отмечает, что среди анабаптистов участников Мюнстерской коммуны «члены некоторых групп на своих собраниях ходили голыми и, чтобы быть как дети, ползали по земле и играли шишками» (с. 228). Это весьма напоминает движение общества «Долой стыд» в 1920-х годах в послереволюционной России, о чём я писал в предыдущей статье.

Особенно важным было введение многожёнства. О распространении гомосексуализма в те времена почему-то не задумывались. Вот что пишет об этом И. Шафаревич, излагая некоторые опыты Мюнстерской коммуны: «Затем перешли к самому, пожалуй, радикальному нововведению – учреждению многожёнства. Такого духа идеи встречались и раньше в проповедях анабаптистов. Их подкрепляли ссылками на образ жизни патриархов в Ветхом Завете. Новому закону благоприятствовало то, что после изгнания безбожников в Мюнстере оказалось в 2–3 раза больше женщин, чем мужчин. Введение многожёнства было дополнено законом, согласно которому все женщины, возраст которому не препятствовал, были обязаны иметь мужа. Начался делёж женщин» (там же, с. 276). Дальше события развивались почти со сталинским размахом: «Улицы города и все известные здания были переименованы. Новорождённым давали вновь изобретённые имена.

Почти каждый день происходили казни. (...) Казнят то строптивых жён, то женщину, осуждавшую новые порядки. Одна женщина не захотела стать женой царя (т.е. вероучителя Иоганна Лейденского – Г. М.), несмотря на его неоднократные предложения. Тогда он сам отрубил ей голову на площади, а другие его жёны пели “Слава Богу Всевышнему”.

Вся эта картина производит впечатление патологии, массового безумия, жертвой которого, в конце концов, стали и сами пророки» (там же, с. 278).

Эпизод с отрубанием головы женщине для разжигания революционных чувств больше всего напоминает аналогичную ситуацию с казнью принцессы де Ламбаль по приказу Мирабо в начале французской революции 1789 года именно для того, чтобы опьянить кровью возмущённую толпу.

Однако Игорь Шафаревич писал, что именно «взгляд на социалистические учения как на путь к захвату власти оставляет

необъяснёнными именно основные положения социализма» (там же, с. 515). Он абсолютно прав, потому что социализм – это вовсе не тактика, и даже не стратегия, это своеобразное вероучение, основанное на отрицании всех принципов существования человечества. Первое: должна ли существовать при социализме семья? И Маркс, и Энгельс считали, что семья – буржуазное явление, приводящее к эксплуатации женщины и своего рода узаконенной проституции – должна быть устранена в процессе классовой борьбы (Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства»). Нам в точности неизвестно, разделял ли эти взгляды В.И. Ленин, но среди большевиков эта идея была весьма популярна, в частности в сочинениях А. Коллонтай, о чём написано в предыдущей статье ².

* * *

Теперь рассмотрим ещё один важный вопрос: учреждение многожёнства (в Мюнстерской коммуне). Это особенно важно в наши дни в связи с нашествием в мире исламской идеологии и пропагандой гомосексуализма. Вот что было в те времена: анабаптисты считали, что многожёнство необходимо. Идейным пророком анабаптистов и Мюнстерской коммуны был некий Томас Мюнцер, который учил о создании Церкви избранных: «Никогда этого не случится, и за это, слава Богу, чтобы попы и обезьяны представляли церковь Божию, – но избранные Богом проповедовать его слово».

«Чтобы проповедовать это учение, я готов отдать свою жизнь». «Бог сотворил чудеса для избранных им, особенно в этой стране. Ибо здесь возникнет новая церковь, этот народ будет зеркалом всего мира» (цит. по И. Шафаревич, стр. 251).

Томас Мюнцер действительно отдал свою жизнь за своё вероучение, поскольку был казнён в 1525 году, ещё до появления Мюнстерской коммуны, которая как бы воплотила в жизнь его учение. И далеко не случайно, что Маркс и Энгельс считали его одним из предшественников коммунистического учения. После разгрома Мюнстерской коммуны появился в конце XVI века новый проповедник «избранничества» – апостол анабаптизма Клаус Шторх, который на основе всего опыта анабаптизма и Мюнстерской коммуны создал своего рода кодекс: «1. Что никакой брачный союз, был ли он тайный или явный не следует соблюдать. (...)

3. Но наоборот, каждый может брать жён, коль скоро его плоть

² Г. Муриков «Великая октябрьская сексуальная революция», журнал «На русских просторах», 2017, № 2(29), с. 33–46..

того требует и подымается его страсть, жить с ними по своему произволу в телесной близости.

4. Что всё должно быть общим, ибо Бог всех людей равно послал нагими в мир, и также он дал им всем равно то, что есть на земле, в собственность – и птицу в воздухе, и рыбу в воде.

5. Поэтому надо все власти, и светские, и духовные, раз и навсегда лишить их должностей или же убить мечом, ибо они лишь привольно живут, пьют кровь и пот бедных подданных, жрут и пьют день и ночь...

Поэтому все должны подняться чем раньше, тем лучше, вооружиться и напасть на попов в их уютных гнёздышках, перебить их и истребить» (цит. там же, с. 229).

Согласимся – в этих лозунгах пятисотлетней давности есть нечто актуальное и сегодня, исключая, разумеется, призыв к убийству попов. Но это, как говорится, *à part*.

В заключение вновь обратимся к книге Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Философ уверен – повторю приведённую выше цитату, – что «Ленин был марксист и верил в исключительную миссию пролетариата. Он верил, что мир вступил в эпоху пролетарских революций. Но он был русский и делал революцию в России, стране совсем особой» (стр. 102). Может, это в определённых кругах считалось правдой, но теперь с точки зрения исторического опыта мы видим, что русская революция была далеко не русской, её корни находились в идеологии еврейского Ветхого Завета. Это вероучение, возникшее в эпоху Реформации, как плесень разошлось по разным странам и народам и воплотилось в гнойном прыще учения Маркса и Энгельса, а потом охватило и Россию, последствия чего мы осознаём и поныне. Бердяев был прав в одном: в каждом народе, в том числе и русском, есть некоторые слабости, на которых паразитирует еврейское, ветхозаветное коммунистическое учение.

Опыт Германии (Мюнстерская коммуна), Швейцарии (кальвинизм), даже многих восточных стран только подчёркивает опасность этой заразы. Проникновение иудейской ветхозаветной идеологии, подкреплённой мировым финансовым капиталом под разными названиями – социализм, демократия и т.д. – это всего лишь две дороги к одному обрыву, как пронциательно заметил И. Шафаревич ещё 50 лет тому назад. В год столетия октябрьского переворота надо об этом помнить и думать. В этом и состоят «уроки Октября».